

Гамма был техником по имени Викрол. Когда-то он был вовлечен в темную сторону государства и был свидетелем того, как инструменты, которые он лично изготовил, использовались для убийства людей. Пораженный чувством вины, он больше не мог на это смотреть и посвятил себя Сопротивлению. Так многообещающий инженер Викрол стал Гаммой Сопротивления.

Но даже после присоединения к повстанцам он все еще оставался техником. Как бы он ни уважал своего капитана, он не стал бы просто подчиняться необоснованным приказам.

— Взорвать бомбу здесь не будет иметь никакого смысла! Взрыв просто будет двигаться вниз!

Гамма вспомнил, что видел внизу. В центре управления, полном разбросанного сломанного хлама, был проход в подвал под столом со сломанной ножкой. Лестница в подвал обрушилась во время нападения на здание, поэтому для спуска понадобилась веревка.

Гамма повис на веревке и продолжал спускаться, протискиваясь сквозь обломки. В конце концов, он вышел на широкое открытое пространство, из-за которого ему казалось, что он смотрит на плоское поле, делая стойку на руках.

В этот момент Гамма осознал структуру Тантала. Первое, что он почувствовал, было инженерным удовольствием, волнующим трепетом от того, что все становится на свои места, когда незнакомое устройство разбирается по единому принципу. Затем пришло ликование от возможности разрушить тюрьму, которую с таким трудом построило Военное Государство.

Все, что было у Гаммы, - это один ящик со взрывчаткой, но этого было достаточно, чтобы астрономические инвестиции, вложенные в тюрьму, рухнули в пропасть. Насколько это было эффективно? Это был абсурдный коэффициент обмена. Если бы Гамма был коммерсантом, его бы назвали мошенником века.

Но его капитан, ничего не смысливший в технологиях, отдал приказ, который он никогда не мог бы принять.

Гамма закричал от ярости.

— Тантал устроен как тарелка, поддерживаемый с обоих концов. Он не построен на дне бездны, он весит между стен!

Легко было разбить тарелку, нависшую над чем-то. Все, что вам нужно было сделать, это избавиться от держащих её концов, и она упадёт. Об остальном позаботится Мать-Земля.

— Мы должны разделить взрывчатку на три части, чтобы заложить здесь бомбу, по одной на каждый конец! Тогда Тантал потеряет равновесие и упадет! Это единственный способ разрушить эту огромную тюрьму!

Был только один правильный ответ. Другие варианты были бессмысленны. Однако Гамма отчаянно пытался уговорить своего капитана...

— Сколько раз я говорил, что это невозможно?! Разве ты не слышишь, что я тебе говорю, Гамма! Взрывай прямо сейчас!

— Но я же говорю, что это просто убьет меня!

— Я приказываю тебе умереть!

— ... Что?

Мысли Гаммы на мгновение остановились.

— Он рядом! Еще не поздно взорвать его! Только так можно нанести хоть малейший удар по развращенному государству и убийце наших товарищей!

— Н-но. Это...

— ВЗРЫВАЙ!

Гамма огляделся. В настоящее время он висел на нижнем этаже Тантала. Взрыв был выходом наружу энергии; даже если бы взрывчатка была сброшена в это широко открытое пространство, эта энергия напрасно распространялась бы вниз.

Ему придется взобраться по веревке и установить бомбу между трещинами в полу, чтобы нанести какой-либо значительный ущерб. Хотя даже этого было бы недостаточно, чтобы разрушить Тантал. Но что еще более важно, Гамма столкнулся с окутывающим страхом.

Что, если бы Тантал упал? Хотя он и умрет в какой-то момент, это будет не очень больно. Падение будет продолжаться и продолжаться, поскольку это была бездна, поэтому будет достаточно времени, чтобы спокойно принять смерть. Возможно, он даже встретит своих

друзей по пути.

Гамма представлял, как будет праздновать их воссоединение, пока, в конце концов, он не ударился обо что-то и не умер в одно мгновение. Не было бы времени даже почувствовать боль. Мать-Земля быстро примет его в свои теплые объятия.

Или, возможно, падение будет длиться вечно. Он болтал бы со своими друзьями, смеялся до тех пор, пока ему бы это не надоело, и в конце концов заснул бы в изнеможении. И больше никогда не проснулся. Смерть придет к нему, как сон в темноте.

Но что, если он взорвёт взрывчатку? Гамма будет сведен к разлетающимся повсюду осколкам. Разряд света ослепит его, жар обожжет легкие, а при взрыве его тело разорвется в клочья и рассеется в бездне.

Руки Гаммы дрожали. Он приготовился к смерти в тот момент, когда спустился сюда, однако... он все еще не был достаточно подготовлен.

Наконец я прочитал все его мысли, схватился за шпажку и встал.

— Ты недостаточно подготовлен? Тогда я помогу тебе.

— Нет!

Вопли Канисена и слезливые крики Гаммы становились все громче и громче. Я беспомощно

пожал плечами.

— Я заплачу за этот грех в аду.

Заявив, что буду делать все, что мне заблагорассудится, самым религиозным образом, каким только мог, я перерезал веревку своей шпажкой. Жалкий крик вырвался изо рта капитана. Его голос эхом разносился далеко, даже за пределами Тантала.

И так Гамма был потерян в бездне. Он будет блуждать в вечности, пока не умрет в бездонной пропасти, покинутой Матерью-Землей. Пока он полностью не примет смерть и не убьёт себя.

Канисен всхлипнул. Теперь никто не мог принести ему успеха. Он не мог помешать мне вынести его уродство на свет и сунуть его ему в глаза.

— Как некрасиво, правда? То, что ты сохранил до конца, было приказом ему скорее расстаться с жизнью. Все, что ты делал, - это призывал кому-то другому умереть, пока тебя удерживали под моей ногой.

— Убей меня! Прекрати оскорблять меня и покончим с этим!

По-настоящему великих очень мало. Остальные подобны тем, кого загнали на край обрыва, и заставили спрыгнуть с него, как будто по собственной воле. Потерянные дети своего времени, которые не являются ни героями, ни обычными людьми.

К сожалению, Канисен Ривервуд не был одним из немногих. В конце концов, он был просто еще одним человеком, сброшенным в бездну.

— Самооправдание, отговорки. Бессмысленное раскаяние и исповедь. Самопротиворечивость. И лицемерие. Ты вложил силы и ресурсы в бессмысленную миссию только для того, чтобы успокоить себя и сказать: «Я сделал все, что мог». Какое экстравагантное самоубийство. Четверо молодых людей будут похоронены заживо вместе с тобой.

— Лучше убей меня!

Канисен уткнулся лицом в землю, извиваясь, как червь, снова и снова вбивая голову в землю.

Этого было недостаточно, чтобы убить его.

Поэтому он брал камни в рот и жевал. Осколки разорвали внутреннюю часть его рта. Он проглотил их, так что острые осколки могли разорвать его внутренности.

Этого было недостаточно, чтобы убить его.

Он откусил язык. Его зубы пронзили мягкую плоть, и из него хлынула кровь. Но даже этого было недостаточно, чтобы убить его. Канисен продолжал причинять себе вред, желая, чтобы он скорее умер и просто забылся.

Однако, даже если бы он не был записан в историю, даже если бы он не запомнился сказками из уст в уста, я не смог бы его забыть. Не после прочтения его всего.

— Я знаю тебя. Жизнь, которую ты вёл, вещи, которые ты видел и чувствовал. Я читал все о том, для чего ты жил и как ты жил. И поэтому я не буду тебя осуждать.

Я мог прочитать все это. Мысли. Жизни. Мечты. Даже мигающий миг вечности, предшествовавший смерти. Я бы прочитал каждую мелькающую мысль, чтобы сплести их в одну книгу.

— Я самый маленький склеп в мире, библиотека, оплакивающая забытых.

— Склеп не судит грехи мертвых.

— И библиотека не оценивает свою коллекцию.

— Она просто хранит и помнит.

Капитан на секунду напрягся всем телом, прежде чем выстрелить в меня одним из кусков камня изо рта. Окровавленный камень, смешанный с плотью, пролетел по кривой... и приземлился у моих ног.

Это было не нападение, это был протест. Трагический протест с требованием убить его прямо сейчас и положить конец боли, как бы поздно это ни было.

Хорошо, если он этого хочет.

Я взял шпажку, обошел его, сел ему на спину и крепко сжал шпажку. Её заостренный конец был острым как бритва. Достаточно острым, чтобы легко проткнуть плоть.

— Прощай, Канисен Ривервуд.

— Последний рыцарь, выросший на романтике прекрасных рек.

— Мир забудет тебя, никто не вспомнит о твоём конце.

— Но я буду помнить тебя и четверых твоих юных последователей.

Как вы думаете, когда человек умирает?

Хотя по этому вопросу были разные мнения, по крайней мере, смерть Канисена Ривервуда была решена сейчас. Потому что он потерял волю к жизни, и я не собирался его щадить.

Канисен закрыл глаза и поднял голову, вытягивая шею в надежде, что я убью его побыстрее. Он всегда был готов умереть, а также убить. Канисен и глазом не моргнул бы, даже если бы он убил или был бы убит. Просто ему не хватало решимости встретиться лицом к лицу со своей отвратительной стороной.

В этом мире нет ада.

Нет и неба.

Есть только один заброшенный склеп.

Это не место комфорта, но все же, я надеюсь, что он упокоится с миром.

Я поднес шпажку к его шее и дернул рукой. Острие шпажки под углом пересекло его горло, разрывая плоть и выпуская красную жизнь. Страдал ли он или обрел покой, когда умер, никто в мире не узнает. Никто, кроме меня.

Был короткий момент боли, за которым последовало воспоминание, которое, казалось, длилось вечность. Вскоре его мысли прекратились, и то, что раньше было телом Канисена,

стало трупом.

Это был маленький конец для маленькой, бессмысленной книги.

<http://tl.rulate.ru/book/74815/2952805>